

*Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу
и любимой жене Людмиле. За их поддержку и помощь.*

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «*В Вихре Времен*» и «*Автор-Тудей*», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: *Акимова Сергея Викторовича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Черепнёва Игоря Аркадьевича, Шарапова Евгения Ивановича.*

Пролог

Я вышел из рубки и глубоко вздохнул. Мимо пробежал матрос, которого я окликнул:

— Братец, мичмана Селезнёва к командиру быстро. И рулевого Мишку — не знаю, как его фамилия — также в рубку.

— Слушаюсь, вашвысокобродь. Только Мишку убило, но я кондуктора Сильча позову, он за штурвалом стоять сможет. — С этими словами матрос убежал.

Я же, посмотрев за корму, увидел, что два японских истребителя приблизились так, что их низкие силуэты можно было уже рассмотреть без оптики.

«Мили полторы, а то и меньше осталось. Кажется, минут пятнадцать, и моя жизнь в этом мире закончится». — Про этот мир я подумал, не разделяя его на этот и тот свет.

Так уж получилось, что моя матрица сознания или душа гвардии подполковника спецназа ГРУ Аленина Тимофея Васильевича каким-то образом пятнадцать лет назад перенеслась из две тысячи восемнадцатого года в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год в тело четырнадцатилетнего казачонка Тимохи Аленина из станицы Черняева Амурского казачьего войска.

За эти пятнадцать лет много чего произошло со мной в этом мире. Если заполнять анкету, то я теперь Тимофей Васильевич Аленин-Зейский, подполковник Генерального штаба, флигель-адъютант и начальник Аналитического центра при российском императоре.

Семейное положение — женат, причём на дочери генерала от инфантерии Беневского. Недавно стал отцом.

Здесь, в Бохайском море, оказался из-за личного приказа императора Николая II встретиться с командующим Бэйянской армией генералом Юань Шикаем, который, вернее всего, готовит военный переворот в империи Цин.

Вот уже три недели идёт русско-японская война, начавшаяся шестнадцатого августа одна тысяча девятьсот третьего года. Мы выиграли три морские битвы, получив значительное преимущество на морском театре военных действий.

В этом мире до восемьдесят восьмого года события происходили так же, как и в моём прошлом-будущем, но потом начались резкие отличия. Александр Третий дожил до двадцать девятого сентября одна тысяча девятисотого года.

У Николая Второго жена не Гессенская муха, а Елена Орлеанская. Аликс же по настоянию королевы Виктории вышла замуж за герцога Йоркского, теперь уже короля Георга Пятого, так как королева Виктория и принц Уэльский умерли раньше времени, с моей помощью.

Николай II не тот рохля, как в моём прошлом, а довольно-таки резкий правитель. Решительно отомстил Британии за гибель родителей, брата и сестры.

Мятеж дяди — великого князя Владимира Александровича — буквально утопил в крови. Ввёл изменения в законодательство Российской империи, которые практически полностью копировали сталинскую пятьдесят восьмую статью из прошлого-будущего, с моей подачи, конечно, что позволило взять за горло и аристократию, и чиновников, и буржуазию.

Отменил выкупные платежи для крестьян, готовит ввести конституцию. Столыпин и Струве в Гродненской губернии по поручению государя проводят аграр-

ную реформу, пытаюсь совместить несовместимое, а именно общинную и частную собственность на землю. Может, у них и получится провести аграрную реформу потом на всей территории Российской империи с куда большим эффектом, понизив градус возмущений крестьян и решив вопрос с периодически приходящим на Русь голодом.

Но самым важным успехом своего «прогресстворства» в этом мире считаю не пулемёты Мадсена, Максима, пистолет-пулемёт специальный, снайперскую винтовку, разрабатываемые миномёты и прочие военные вундервафли, а появление пенициллина или чего-то на него похожего, что произвели с моей подсказки супруги Бутягины.

Они не только создали сильный антибиотик, но и провели удачные испытания, убедили многих медицинских светил, и теперь в Томске уже больше года действует бактериологический институт с производственными мощностями по изготовлению пенициллина, а также противодифтерийной сыворотки и оспенной вакцины. Надеюсь, эти лекарства спасут миллионы подданных Российской империи.

Я мысленно усмехнулся. Что же, в этом мире время я провёл не зря. Пятнадцать лет урагана, а не жизни, вместо пенсионерского прозябания в прошлом-будущем. Даже сына успел заделать. Значит, будет продолжение меня здесь. Жаль, что там так и не смог продлить свой род. Хотя свой офицерский долг перед Родиной выполнил.

В этот момент в моём сознании зазвучали слова песни Газманова:

Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом
За Россию и свободу до конца!
Офицеры, россияне, пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца!

«Какая на хрен свобода, победа должна воссиять, — подумал я, встряхнув головой. — Кому ангелы перед смертью приходят, а мне — песня Газманова. Хотя тоже неплохо».

Мои размышления прервала рука, появившаяся из трюмного люка. Плюнув на качавшуюся палубу, я бросился к входу в машинное отделение, засунув пистолет в кобуру. Пока добрался, из люка выбрался Зверев, а за ним — ещё один матрос.

— Василий Васильевич, как вы? — спросил я, подойдя к старшему инженер-механику, невольно отводя глаза от его лица, покрытого волдырями.

— Жить буду, — стармех посмотрел за корму, жутко усмехнулся, — только недолго.

— Что там? Ход будет? — спросил я.

— Кондуктор Васильев закрыл собой пробитый паропровод. Его тело будто приварило к нему, — по щекам с волдырями Зверева потекли слёзы. — Меня оттолкнул, а сам лёг на пробитое отверстие. Володька...

Плечи стармеха затряслись.

— Четверо там осталось, совсем остались, — произнёс матрос с таким же «сваренным» лицом и руками, а потом он согнулся, и его вырвало.

В этот момент к нам подошёл Селезнёв.

— Вася, ты как? — спросил он Зверева, бледнея на глазах.

— Узлов двадцать — двадцать пять дадим ещё какое-то время. Сколько — я не знаю, — старший инженер-механик корабля обвёл нас каким-то пустым взглядом. — Такого хомута на паропровод я ещё не видел.

Последующее дальше выражение лица Зверева было страшным и каким-то безумным.

Мичман хотел дотронуться до руки стармеха, но, увидев, в каком она состоянии, отёрнул ладонь.

— Вася, я к командиру, — закаменев лицом, Селезнёв бросился к рубке.

Я же стоял и не знал, что делать. Нет, я, конечно, представлял, как оказывать помощь с ожогами, но под руками не было ничего. Совсем ничего...

— Господин полковник, идите к командиру. Мы тут как-нибудь сами. Сейчас внизу чуть развеется, и мы спустимся туда.

«Млять, да чтоб его в клюз, в перехлест и якорь мне в зубы...» — ругался я про себя, когда шёл к рубке.

Не найдя в себе сил пройти в неё, поднялся на смотровую площадку или ходовой мостик. Хрен его знает, как это правильно называется. Поднеся к глазам бинокль, который был в специальной подставке, посмотрел туда, где виднелись дымы.

Удалось рассмотреть какой-то корабль, похожий на наш истребитель, и ещё один крупный, судя по всему, крейсер. Не раздумывая, скатился вниз и ворвался в рубку.

— Константин Александрович, там истребитель и крейсер. На курсе... — я немного завис. — В общем, слева от нас.

Панфёров, передав штурвал, видимо, кондуктору Сильчу, который успел прибыть в рубку, бросился на ходовой мостик. Селезнёв и я двинулись за ним.

Поднявшись, вместе с Семёном Владимировичем застыли, ожидая, что же скажет командир корабля. Тот, прильнув к биноклю, долго рассматривал два корабля, а потом радостно произнёс:

— Кажется, ещё поживём, господа офицеры. Это германцы. Истребитель «Таку» и бронепалубный крейсер «Нимфе». Если успеем до них дойти, то думаю, они нас подберут, когда взорвём наш корабль. — Панфёров замолчал, а потом продолжил: — Всё-таки союзники, какие-никакие, а япошки не захотят с ними связываться. У меня задача доставить вас, Тимофей Васильевич, и генерала Вогака в Тяньцзинь. Если я не смогу, то пусть германцы доведут.

Панфёров улыбнулся, а потом всё завертелось.

«Лейтенант Бураков», резко изменив курс, направился навстречу германским кораблям. «Таку», как и «Бураков», был одним из четырёх захваченных китайских миноносцев во время боксёрского восстания. При дележе добычи он был зачислен на службу в состав германской Восточноазиатской крейсерской эскадры, расположенной в Циндао. И теперь этот корабль резко ускорился и пошёл к нам навстречу.

Японские истребители усилили огонь, но в этот раз Бог нас хранил. «Лейтенант Бураков» шёл на двадцати пяти узлах, не теряя скорости, а все японские снаряды пролетали мимо.

Минут через десять германский истребитель, сбросив скорость и описав широкую дугу, прикрывая нас, встал к нам в кильватер, а на его передней мачте затрепетал флаг «Юниформ» — «Вы идёте к опасности».

Японские миноносцы, сделав ещё пару выстрелов, отвалили в сторону. В бинокль было видно, как 105-миллиметровые орудия правого борта крейсера «Нимфе», подходившего к нам, начали наводиться на японские корабли, а на его мачте также затрепетал флаг «Юниформ».

Глава 1

СОЮЗНИКИ

— Господа, я ещё раз поднимаю этот бокал за наших спасителей, за доблестных офицеров кайзерлихмарине. За вас, господа! — Вогак с бледным лицом отсалютовал бокалом с коньяком двум германским морским офицерам, сидящим за столом, и выпил.

Я, Панфёров и Селезнёв, встав, поддержали генерала. Командир бронепалубного крейсера «Нимфе» фрегаттен-капитан барон Клейст и командир истребителя «Таку» капитан-лейтенант фон Шварценберг также поднялись на ноги и, коротким кивком поприветствовав тост Константина Ипполитовича, медленно вдохнули пары коньяка и браво опрокинули бокалы.

Я выпил не знаю уж какой по счёту бокал под тосты за наших спасителей, но алкоголь не брал абсолютно. Видимо, нервная система от всего пережитого всего лишь несколько часов назад до сих пор впрыскивала в кровь адреналин в больших количествах, при этом её ещё и коньяк подстёгивал.

Да, появление германских кораблей и их действия спасли наш корабль от верной смерти. Когда японские истребители отвалили в сторону, мы, дойдя до германского крейсера, попросили у немцев два часа на ремонт, для чего надо было лечь в дрейф, либо принять на борт дипмиссию российского императора и доставить её в Тонгу.

Фрегаттен-капитан барон Клейст пошёл нам на встречу, и «Нимфе» вместе с «Таку» легли в дрейф, прикрывая наш миноносец с двух сторон. Японские истребители, развернувшись, прошли мимо тройки лежащих в дрейфе кораблей, но атаковать под нацеленными стволами 105-миллиметровых орудий, способных выпустить до пятнадцати снарядов в минуту, не рискнули и вскоре скрылись за горизонтом.

Два часа прошли быстро. Под руководством стармеха Зверева, непонятно как остававшегося на ногах, тело кондуктора Васильева сняли с паропровода, который на скорую руку залатали с помощью хомутов, устранили другие повреждения, какие были в силах исправить за это короткое время.

Потом весь экипаж собрался на палубе. Морю предали тело спасшего корабль кондуктора Васильева Владимира Ивановича и ещё девяти погибших моряков. Решение похоронить в море павших в бою приняли сообща.

Как сказал генерал Вогак, христианское кладбище в Тонгу постоянно подвергается разорению со стороны китайцев, и лучше похоронить моряков по морскому обычаю. Так Бохайское море стало местом захоронения ещё десяти русских моряков.

Кроме десяти погибших ещё тринадцать человек было ранено. Среди них оказался и генерал Вогак. Осколок снаряда, непонятно как залетевший в помещение, где он находился, вспорол Константину Ипполитовичу плечо. Слава богу, рана была небольшой, и до того момента, когда ему смогли оказать помощь, кровотечение уже остановилось благодаря платку, который Вогак наложил на рану под мундиром.

Командир «Нимфе», узнав, что одним из представителей дипмиссии является раненый генерал, прибыл на борт «Лейтенанта Буракова» вместе с врачом и парой санитаров крейсера.

После оказания помощи раненым барон остался на похоронах. Был шокирован, узнав про подвиг кондуктора Васильева. В результате все раненые, включая Константина Ипполитовича, были переправлены на германский крейсер. Фрегаттен-капитан клятвенно пообещал, что всем раненым будет оказан достойный уход и на корабле, и, когда крейсер вернётся в Циндао, в германском госпитале. После завершения лечения русские моряки будут переправлены в Российскую империю.

Закончив со всеми хлопотами, корабли на десяти узлах пошли к устью реки Пейхо к фортам крепости Дагу. В Чжилийском заливе барон Клейст вместе с генералом Вогаком перешли на борт «Таку», и два миноносца спокойно поднялись по реке до города Тонгу, откуда ранним утром на поезде я и Константин Ипполитович должны были отправиться до Тяньцзиня, а командир «Нимфе», как выяснилось, до Пекина, выполняя какую-то свою миссию.

Ожидая поезд, оккупировали небольшой кабинет ресторана при гостинице европейского типа, где остановились до утра, и вот уже час чествовали своих спасителей. Времени у нас было вагон и маленькая тележка.

— Господа, я хочу поднять этот бокал за мужество русских моряков. Сегодня я стал свидетелем подвига Российского императорского флота. Один миноносец принял бой против трёх и потопил один из них. А то, что совершил ваш кондуктор Васильев, — это, это... Я не могу подобрать слов. Подвиг?! Но этого слова слишком мало. Не знаю, смог бы кто-то из матросов кайзерлихмарине повторить такое. Я буду писать кайзеру с просьбой наградить этого храброго и самоотверженного матроса. Теперь я понимаю, как вы одерживаете одну за другой победы на море в битвах с японцами. За ваше мужество! — прервал мои воспоминания барон Клейст, который, закончив говорить очередной ответный тост, чисто по-русски махнул бокал, будто это не